

ЭКСКЛЮЗИВ

— Валентин Иосифович, простите, конечно, но сразу после самоубийства Оли в прессе появилось множество статей, в которых вас выставляли не в самом лучшем свете...

— Это просто отвратительно. Появилась масса гадких фотографий... Непроверенной информации. И, конечно, какие-то интервью, которых я никому не давал. В таких случаях не до интервью... Я вообще редко соглашаюсь на интервью... С тех пор как умерла Оля, ты, Костя, первый человек, с которым я согласился встретиться.

— Спасибо вам за доверие... В предсмертной записке ваша дочь писала, что вы не меньше матери виноваты в том, что она идет на этот шаг... Она писала, что вы очень мало уделяли ей внимания...

— Да, все мы виноваты: и она, и я... Да, конечно, я виноват! Что тут еще добавит...

— Несколько месяцев назад певец Владимир Кузьмин, который в прошлом году потерял дочку (ее зарезали), слово в слово повторил ваши слова. Теперь, если сможете, объясните мне, пожалуйста: почему "я виноват" идет тогда, когда человека нет? Ведь Оля — ваша единственная дочь, и неужели вы не могли найти и пяти минут на общение с ней? Неужели вы, в конце концов, не видели, что происходит?...

(Гафт молчал минуту... Еще чуть-чуть, и он, наверное, бы заплакал... Но сдержался.)
— Костя, пойми же... Мы жили отдельно... Собственно, я никогда и не жил в этой семье... Ну что теперь об этом говорить... кто ж знал, что так все случится? У нее была своя жизнь... Я и не знал, что ей так плохо... Конечно, я свои свой не снимаю и никогда не снимаю.

О нем пишут: "Он практически не дает интервью, а если и соглашается, то о личной жизни не говорит". Это правда. А еще правда, что он не любит людей... Не любит, когда людей много. Он, как сам признался, волк-одиночка: построил свой мирок, комфорт и уединенность которого очень ценит. А в прошлом году умерла его дочь Оля. Повесилась. После ее смерти в квартире были найдены две предсмертные записки. Одна была адресована родителям, другая — мужчине, с которым она была близка в последние годы. Через несколько дней после несчастья у ее папы, Валентина Гафта, был день рождения...

Здесь есть и большая степень вины мамы Оли — Инны Елисеевой. Как свидетельствует предсмертная записка Оли и откровения соседей, она была тираном для дочери: ее действия в общем-то довели Олю до самоубийства. Вы смогли ее простить за это?

— Это уже не важно... Инна умерла...
— Когда?
— Месяц назад... (Инна Елисеева в последнее время страдала тяжелым онкологическим заболеванием. — Авт.)

...Продолжать интервью в начале ключе больше не представлялось возможным. Еще секунда — и Гафт полностью ушел бы в себя. Было заметно, что он и так с большим трудом отвечает на эти вопросы... А мне хотелось спросить: почему дочь не переехала к нему, почему он оставил Олю с мамой?.. Мы расположились за столом друг напротив друга, я вдруг увидел глаза своего собеседника, и до меня дошло: передо мной сидит не просто известный артист, от которого я жду интересных для читателя подробностей гибели дочери, а самый обыкновенный родитель, навсегда потерявший своего ребенка... И тогда я сам перевел разговор в другое русло.

— Вы сейчас снялись в телесериале, а ведь говорили (прочитайте ваши слова): "В сериалах, которые сейчас идут по телевизору, я бы не хотел участвовать. У меня так много, как говорила Раневская, "плевков в вечность" — плохих картин и ролей, что в какой-то момент я сказал себе: "Хватит, остановись!"

— Сегодня телесериалы — это постоянные разоблачения-убийства, милиция-бандиты. И все же качество сериалов за последнее время повысилось: появились очень хорошие актерские работы. И я тоже снялся в четырехсерийной картине "Дни ангела"... Я получил, по моему, замечательную роль. Кроме меня в фильме заняты такие замечательные актеры, как Нина Русланова, Ольга Остроумова, а непосредственно ангела играет молодой артист Андрей Николаев. Мне очень понравился режиссер Игорь Апасян и продюсеры (хотя и выступают они в роли продюсеров впервые) — Максим Суханов и Саша Самойленко.

— Я так понимаю, фильм получится сентиментальным...

— В картине есть что-то настоящее, хотя сюжет несколько фантастичен. Но именно сюжет и должен задеть каждого. В фильме есть какая-то очистительная сила. А впрочем, что о нем говорить, надо смотреть. Многие еще зависят и от того, как играют актеры... Иногда бывает, что идеи прекрасные, а выходит кондово. Но только не в этот раз.

В последний день озвучания я смотрел картину и не удержался: прямо у пульта... разревелись. Не от умиления над самим собой (в этой сцене я был не занят), это произошло автоматически... Я, правда, еще не видел фильм целиком, однако Суханов видел и сказал: "Четыре часа смотрел, даже зад не заболел". А зад — это главный показатель. Зад — это очень важно.

— Вас как-то спросили, хотели бы вы выйти на сцену вместе с женой Ольгой Остроумовой. На что вы ответили: "Хочу, но боюсь. Опасно с родным человеком играть!" И вот наконец вы вместе сыграли в "Днях ангела". Какие впечатления от совместной работы?

— Как она сыграла? Она сыграла потрясающе. Когда я сказал, у меня был в горле ком и я заплакал... Это было реакцией на ее сцену. В той сцене она была просто изумительна.

— А вы были объективны в тот момент, когда ком в горле стоял?

— Я не ожидал, что он возникнет. И когда он возник... Это всегда неожиданно. И не потому, что она моя жена, а потому, что сцена на меня так сильно подействовала. Кстати, как жена она на меня так не действует.

— Она оказалась в фильме благодаря вашей протекции?

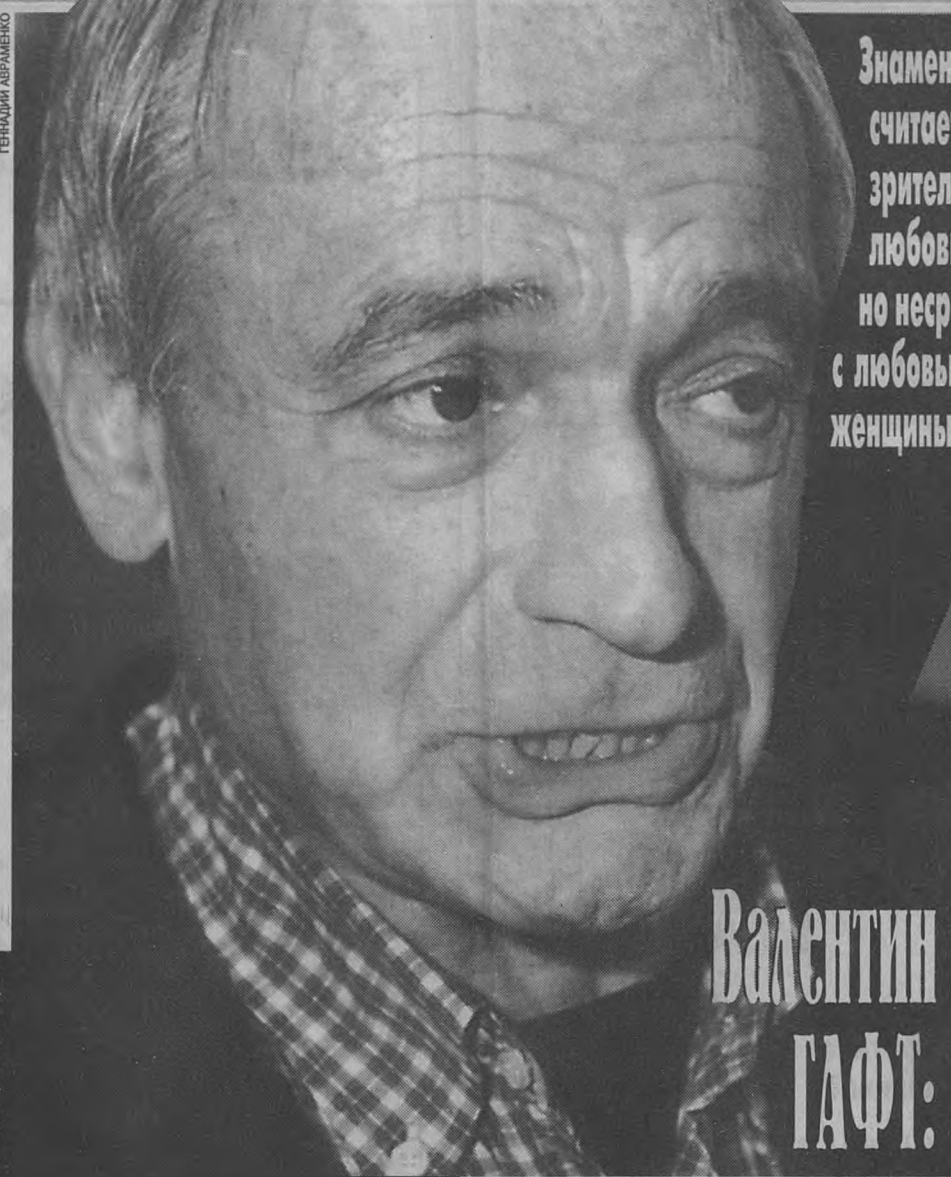
— Нет, ну что вы. Оля большая артистка, ее все хотят заполучить. Я тут ни при чем.

— А правда, что вы Ольгу Яковлеву однажды чудом не задушили на сцене?

— Правда.

— Вас что, легко разозлить?

— Ну, она злила меня всю жизнь, при том что она потрясающая актриса, и даже Эфрос ее ЛЮБИЛ... всю жизнь. Сидя в зрительном зале, я всегда восхищался ей как актрисой, а вот на сцене она была такой хозяйкой, что иногда позволяла себе вещи просто недопустимые... И однажды я действительно чуть ее не задушил. Хо-



Валентин ГАФТ:

Знаменитый артист считает зрительскую любовь важной, но несравнимой с любовью женщины

— Нет, в этом я ничего не понимаю. В этом отношении я жутко неподкованный человек. Даже абсолютно неподкованный и восхищаюсь теми, кто что-то в этом понимает. У меня такими вопросами занимается жена, и то не очень сильно в этом. А сама я в магазинах-то почти не хожу, хотя раньше любила.

— Похоже, вы отстали от прогресса...

— Я понимаю, что нет очереди в магазинах, что есть масса товаров, что люди ходят веселые, сидят в открытых кафе, вкусно едят, пьют. Мне это очень нравится. Мне не нравится другое. Я вот живу на Старом Арбате и вижу: приходят люди, поют, играют. Но когда ходят совершенно пьяные, ослепленные молодые люди и писают где хотят, и ругаются матом — девочки и мальчики — так, что слышно с одного конца Арбата до другого... Я понимаю, когда говорят: вот во Франции целуются на каждом шагу. В этом ничего дурного нет. Но когда у нас пьяные начинают на глазах у всех заниматься тем, что полагается делать в тайне... Это и есть отсутствие культуры. Сколько говорили о том, как "много надо свободы". Однако в нужный момент оказываешься к ней не готов. Культура — это самоограничение. Свобода — с одной стороны, просвещает, а с другой — развращает. Золотой середины пока нет.

— Как вы считаете, съемки в рекламе негативно отражаются на образе артиста?

— Я человек из прошлого, я не могу сниматься в рекламе. Я считаю, что это нанесет большой ущерб тому, что я делаю.

— Но несколько лет назад вы были рекламным лицом одного московского казино...

— Один раз я участвовал, дал такую слабинку, рекламировал казино. Больше этого не делаю. Хотя в этом ничего дурного нет. Но больше я к этому не вернусь. И, кстати, тогда был мой голос по радио, а не мое непосредственное видеозображение...

— Насколько я знаю, вы — человек, ин-

рен, что очень часто премии даются несправедливо: например, под давлением, ведь очень часто заранее известно, кто что получит.

— На днях по телевизору показывали интересную передачу о критериях пошлости, а что в вашем понимании пошлость? Программа "Аншлаг" — это пошло?

— Вы знаете, как нравится людям пошлость...

— А еще людям порнография нравится...

— Это совсем другое. "Аншлаг" — это легкое, развлекательные передачи для того, чтобы человек не задумывался. Там приблизительно одни и те же лица, одни и те же интонации. Штампы, штампы... Одни и те же пародисты. Но это любимый жанр народа — играть протасков! В этом жанре очень трудно быть и легким, и глубоким. Для этого надо быть Аркадием Райкиным.

■ ■ ■
— Что может быть для мужчины лучше, чем любовь женщины?

— Ничего. Любовь женщины — это совсем другое, это гораздо больше, чем миллион зрителей. Женщина — это целый мир.

— А как же тогда любовь зрителя?

— Любовь зрителя очень важная, но любовь женщины — это еще сильнее. Она заставляет нас быть мальчишками!

— Лучшего допинга не существует?

— Нет.

— Вы романтик?

— В глубине души — да.

— Что никогда не простите человеку?

— Лживость, предательство, неискренность. Просто я с таким человеком не буду никогда общаться.

— Вы вообще часто общаетесь с друзьями? И чем эти люди заслужили дружбу Гафта?

— В последнее время редко. Со студенческих времен друзей почти не осталось. Чем заслужили? Тем, что они в тебе сидят. Эти люди то, что ты есть сам.

— Вы, со своей стороны, хороший друг?

— Редко бывает, когда меня о чем-то просят. Но если просит тебя твой друг что-то сделать, то не может быть и речи об отказе.

— Бывает, что вам хочется пообщаться с совершенно неизвестным человеком, который вас вдруг настолько заинтриговал,

Справка "МК":

Трагедия произошла в прошлом году 24 августа... Мать Ольги, Инна Елисеева, нашла тело дочери только спустя сутки. Ольга повесилась прямо в прихожей, закрепив конец веревки в шкафчике под потолком. У мамы Оли был очень тяжелый, скандальный характер, и друзья артиста в один голос говорят, что Гафт был вынужден оставить Елисееву. С дочерью у Инны Сергеевны тоже отношения не складывались. Мать обладала властным нравом, не терпела возражений. Ольга же росла очень ласковой и доброй девочкой. Закончила Московскую государственную академию хореографии, казалась, жизнь сулит ей много хорошего... Весной того же года Оля уже пыталась свести счеты с жизнью — выбросилась с балкона. В тот роковой день, судя по всему, Ольга дважды пыталась покончить с собой. Сначала она прикрепила веревку к люстре, но светильник оборвался и рухнул на пол. В квартире были найдены две предсмертные записки. Одна была адресована матери: в ней Ольга со всеми прощается, а также довольно нелепо отзывается об отце, который забыл про них. Вторую записку было послание любимому, который, по некоторым данным, был дирижер симфонического оркестра.

что вы готовы в ту же секунду броситься к телефону и просить его о встрече?

— Да, иногда бывает. Причем как незнакомому, так и знакомому — разным людям. И если знаешь телефон, тут же бежишь звонить.

— Последний пример?

— Юрий Васильевич Яковлев, когда посмотрел юбилейные передачи о нем. Как он играет Мышкина, о бже! Интонация, ее нельзя придумать, ее нельзя сделать, ее надо родить. Она рождается от внутренней тайны, от колоссального внутреннего поиска в душе. Это настоящий дар божий.

— Вы верующий человек?

— Да.

— Часто обращаетесь к Богу?

— Да, бывает. Можно было бы чаще. Ритуалы, к сожалению, я не соблюдаю. Но бывают моменты, когда ты вспоминаешь о них, и это очень помогает.

— Какие бы вы иконы себе поставили на стол?

— У нас иконы висят в комнате. Это перешло от Оли, жены.

— Перешла вера или же...

— Иконы.

— Я знаю, вы любите футбол. За кого болеете?

— За "Спартак". Сейчас у него не лучшие времена, как и вообще в нашем футболе. Вероятно, в футболе нужен главный тренер, с которым интересно было бы футболистам. Он должен их заинтересовать, должен увидеть в каждом игроке то, что только он видит. Когда тренер пустой, сколько перед ним ни изгиляйся, ничего не выйдет. Хорошему игроку это может надоесть. Главный тренер — это главный режиссер. Личность прежде всего, а тогда и команда не будет безликой.

— Вы играете на публику?

— Я играю для себя. Но, естественно, не было бы публики — не надо было бы и выходить на сцену.

— Как быстро эта публика может забыть артиста?

— Очень быстро.

— За нее стоит бороться?

— Бороться надо за себя.

— Ваша лучшая роль уже сыграна?

— Кто может так про себя сказать? Конечно, нет.

— Удачи вам, Валентин Иосифович! Всех благ, и главное — берегите себя и не болейте!

— Спасибо, постараюсь.

Константин НИКОЛАЕВ.



«Я виноват в смерти дочери»

никогда не испытывал. И в своих желаниях всегда каюсь. Почти как Гоголь.

— Вот Волчек как-то сказала: "Валя из тех, кого называют совестью коллектива". Вы согласны?

— Это насмешка, Галя так пошутила. Но вообще-то это правда. Правда, коллектив тут ни при чем. У меня есть своя совесть. А вот что уж действительно совесть коллектива у нас, так это сама Галя. Все-таки главный режиссер, 30 лет работы — это не шуточки. Тут бессовестного человека давно бы не было. Хотя, к примеру, государством можно править долго и без совести. И таких еще больше любят и восхваляют. Так что тут ничего не поймешь, где нужна совесть.

— Вы можете обидеть человека ни за что?

— Нет. Во всяком случае, не хотелось бы, чтобы так было.

— Вы способны признавать свою неправоту?

— Могу. Вся моя несдержанность — это не от большого ума.

— Несдержанность — это врожденное или нахивное?

— Моя несдержанность — это немножечко упоение собой. Хотя я не знаю, где лежит основная причина. Это и сейчас бывает, но не от злого умысла. Иногда даже не замечаешь, что обидел человека, а потом начинаются переживания...

— Наверное, именно поэтому у вас так мало друзей?

— Нет. Я просто малообщительный человек. Не люблю тусовки, ненужные встречи...

— Волк-одиночка?

— Возможно. У меня просто голова болит от массовых скоплений.

— С вами, наверное, трудно найти общий язык?

— Почему? Если мне понятно, про что со мной разговаривают, и меня интересует это, то я с удовольствием включаюсь.

— Про что с вами нужно говорить, чтобы вас заинтересовало?

— Все, что касается профессии.

— А бытовые темы?

— На бытовые темы? Нет. Хотя я считаю, что на бытовые темы... тоже можно разговаривать. Жизнь ведь состоит из быта. Хотя что ты имел в виду, когда спросил про быт?

— Да все — от покупок еды и бытовой техники...



тя чуть не задушил, именно когда играл с ней Отелло: там, где это в общем-то положено по содержанию.

— А часто у вас возникают такие желания — задушить?..

— Нет, слава богу, больше не было.

— Последняя ваша театральная работа, которая вам понравилась?

— "Вечный муж" в Театре Моссовета. Она интересная. Хотя всегда очень трудно и неприлично говорить о своих работах.

— Чем она для вас интересна?

— Автор интересный — Достоевский. Режиссер интересный — Еремин.

— Вы ни разу не брались за то, чтобы учить молодых дарования. Почему? Не предлагали?

— Предлагали. У меня просто терпения не хватало.

— Ваш главный режиссер?

— Волчек, у которой я работаю.

— А в кино?

— Не могу такого назвать. Кино — это совсем другая работа. Сказать, что интересней — кино или театр, — невозможно, это просто разные вещи. Хотя я, наверное, не первый, кто говорит эту извечную истину.

— А как вы относитесь к такому кино, как "Антикиллер"?

— Я ничего не понял. Это такая игра в кино. Хотя там есть и внешние формы, и монтаж, и даже кадры интересные: интересно ездит, взрываются, то есть все сделано по правилам большого кино. Но там не понимаешь, за чем следить. Хотя, может быть, я старый человек, но мне больше нравится другое кино. К примеру, недавняя картина Киры Муратовой "Чеховские мотивы" — это очень самостоятельная работа.

— Какой фильм вы хотели бы снять как режиссер?

— Я? Я вообще никакого отношения к кино не имею... А как режиссер? Да какой я режиссер? Это не моя профессия.

— По-моему, плох тот солдат...

— Да! Я плохой солдат. Что поделать.

■ ■ ■

— Валентин Гафт — хороший человек?

— Разный. Сейчас вот просматриваю свою жизнь с самого начала и вроде зверских и чудовищных поступков за собой не вижу. Но по мелочам и даже чуть больше... грехов много, но как у каждого человека. И я их осознаю. При всем своем скармане, иногда злости, желании остро что-то сказать я по-настоящему к человеку зла

